ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОТОКОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП/б/

АВГУСТ 1917—ФЕВРАЛЬ 1918

★

МОСКВА · 1958

дано, и с нас много спросится. Но если мы сейчас, поставивши все на карту, потерпим поражение, — мы нанесем жестокий удар и международной пролетарской революции, нарастающей крайне медленно, но все же несомненно нарастающей. А между тем только рост революции в Европе сделал бы для нас обязательным, без всяких колебаний, немедленно взять власть в свои руки. В этом же заключается и единственная гарантия победоносности восстания пролетариата в России. Это придет, но этого сейчас еще нет.

Какая же перспектива рисуется нам на ближайшее будущее? Наш ответ таков.

Разумеется, путь наш зависит не только от нас одних. Противник *может принудить* нас принять решительный бой до выборов в Учредительное собрание. Попытки новой корниловщины, конечно, не оставят нам и выбора. Мы, разумеется, будем единодушны в единственном возможном тогда решении. Но тогда и значительная часть мелкобуржуазного лагеря наверняка опять поддержит нас. Бегство правительства в Москву толкнет мелкобуржуазную массу к нам. И тогда будут созданы условия для нашей победы, тогда не мы будем разбиты, а разбиты будут наши противники.

Но, поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться *оборонительной позицией*. Временное правительство часто бессильно провести в жизнь свои контрреволюционные намерения. Оно расшатано. Силы солдат и рабочих достаточны, чтобы не дать осуществиться таким шагам Керенского и компании. Крестьянское движение еще только начинается. Массовое подавление крестьянского движения кадетам не может удаться при нынешнем настроении армии. Подделать выборы в Учредительное собрание Временное правительство бессильно. Сочувствие к нашей партии будет расти. Блок кадетов с меньшевиками и эсерами будет распадаться. В Учредительном собрании мы будем настолько сильны оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу, либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и пр. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу. Таково наше мнение.

Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее. Ошибкой было бы думать, что теперь подобное выступление в случае неудачи привело бы только к тем последствиям, как 3—5 июля. Теперь дело идет о большем. Дело идет о решительном бое, и поражение *в этом* бою было бы поражением революции.

Такова общая обстановка. Но всякий, не желающий только говорить о восстании, обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать сил противника и переоценивать свои силы. Силы противника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: 5 тысяч юнкеров, *прекрасно* вооруженных, *организованных,* желающих (в силу своего классового положения) и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная артиллерия, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привести войска с фронта. Пролетарской партии в данный момент пришлось бы драться при совсем другом соотношении сил, чем в дни корниловщины. Тогда мы дрались вместе с эсерами, меньшевиками и отчасти даже вместе со сторонниками Керенского. Теперь же пролетарской партии пришлось бы драться против черносотенцев, плюс кадеты, плюс Керенский и Временное правительство, плюс ЦИК (эсеры и меньшевики).

Силы пролетарской партии, разумеется, очень значительны, но решающий вопрос заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет. Сами сторонники выступления заявляют, что настроение трудящихся и солдатских масс отнюдь не напоминает хотя бы настроений перед 3 июля. Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние нашей партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом.

Говорят: но ведь железнодорожники и почтово-телеграфные служащие голодают, задавлены нищетой, раздражены против Временного правительства. Все это так, конечно. Но это все еще не гарантия, что они поддержат восстание против правительства, вопреки эсерам и меньшевикам. Служащие и рабочие-железнодорожники были задавлены нищетой и в 1906 году, задавлены они и в Германии и во Франции. И, однако, это не гарантирует поддержки восстания. Если бы все задавленные нищетой люди всегда были готовы поддержать вооруженное восстание социалистов, мы давно завоевали бы социализм.

Это подчеркивает нашу очередную задачу. Съезд Советов назначен на 20 октября. Он должен быть созван во что бы то ни стало. Он должен организационно закрепить растущее влияние

пролетарской партии. Он должен стать центром сплочения вокруг Советов всех пролетарских и полупролетарских организаций, как те же союзы железнодорожников, почтовиков, банковских служащих и т. п. Твердой организационной связи нет еще между этими организациями и Советами. Этого нельзя оценивать иначе, как симптом организационной слабости пролетарской партии. А подобная связь во всяком случае есть предварительное условие действительной реализации, действительного проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам». Для каждого данного момента этот лозунг, конечно, обозначает самое решительное сопротивление малейшим покушениям на права Советов и созданных ими организаций со стороны власти.

При этих условиях глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас или никогда!

Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам. Она будет иметь возможность в еще более широкой форме продолжать беспощадное разоблачение политики меньшевиков и эсеров, которые стали на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет на себя инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией.

Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения.

Г. Зиновьев
Ю. Каменев

11/X. 917

Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 33, лл. 15, 23—29

ПРОТОКОЛ № 26

Протокол заседания ЦК 16(29) октября 1917 года (ед. хр. 34) представляет собой подлинную секретарскую запись, написанную с обеих сторон химическим и простым карандашом на четырех листах писчей бумаги большого формата, в два столбца. Вторая краткая протокольная запись имеется в тетради протоколов Секретариата ЦК РСДРП(б) (ед. хр. 59).

Текст протокола печатается по секретарской записи, сверенной с текстом протокольной записи из тетради Секретариата ЦК.

К протоколу приложены следующие документы: 1) Решение ЦК об организации Военно-революционного центра. Написано карандашом на небольшом листе бумаги рукой Ф. Э. Дзержинского. Решение включено в текст протокола (см. стр. 104). 2) Машинописный текст резолюции В. И. Ленина, написанный по старому правописанию. (Текст подлинной резолюции хранится в ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4630.) Резолюция включена в текст (см. стр. 103—104). 3) Резолюция Зиновьева, написанная чернилами на клочке бумаги, также включена в текст (см. стр. 104). 4) Подлинные заявления: Каменева о выходе из ЦК; Каменева и Зиновьева с требованием созыва пленума ЦК и заявление Ногина, Милютина, Рыкова (см. стр. 105).

ЗАСЕДАНИЕ

16[29] октября [1917 г.]

Присутствовали члены: ЦК, Исполнительной комиссии ПК, Военной организации, Петроградского Совета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, Петроградского окружного комитета и железнодорожников.

Председательствует т. Св[ердлов].

Тов. С[вердлов] предлагает порядок дня:

1) Доклад о прошлом собрании ЦК.
2) Краткие доклады представителей.
3) Текущий момент.

1) Доклад о прошлом собрании ЦК.

Тов. Ленин оглашает резолюцию, принятую ЦК на предыдущем заседании *. Сообщает, что резолюция была принята против двух голосов. Если возражавшие товарищи пожелают выска-

* См. стр. 85—86.

заться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию.

Если бы партии меньшевиков и эсеров порвали с соглашательством, можно было бы предложить им компромисс. Это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут. С другой стороны, к этому периоду уже ясно определилось, что массы идут за нами. Это было еще до корниловщины. В доказательство приводит статистику выборов в Питере и в Москве. Корниловщина же еще решительнее толкнула массы к нам. Соотношение сил на Демократическом совещании. Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой. Если в основу положить политический анализ революции, то совершенно ясным станет, что даже анархические выступления теперь подтверждают это.

Далее анализирует положение в Европе и доказывает, что там революция еще труднее, чем у нас; если в такой стране, как Германия, дело дошло до восстания во флоте, то это доказывает, что и там дело уже очень далеко зашло. Положение международное дает нам ряд объективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу; доказывает, что буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции ЦК.

Что касается практических выводов из резолюции, то их удобнее сделать после заслушания докладов представителей центров.

Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием.

[2) Доклады представителей]

Тов. Свердлов от ЦК докладывает от имени Секретариата ЦК о положении дел на местах.

Рост партии достиг гигантских размеров; можно считать, что теперь она объединяет не менее 400 тыс. (приводит доказательства).

Точно так же возросло наше влияние особенно в Советах (доказательства), то же самое в армии и во флоте. Далее сообщает факты относительно мобилизации контрреволюционных сил (Донецкий район, Минск, Северный фронт).

Тов. Бокий от ПК. Сообщает по районам:

Васильевский остров — боевого настроения нет, боевая подготовка ведется.

Выборгский район тоже, но готовятся к восстанию; образован Военный совет; в случае выступления массы поддержат. Находят, что начать должны верхи.

1-й Городской район.	Настроение трудно учесть. Красная гвардия есть.
2-й [Городской район].	Настроение лучше.
Московский район.	Настроение бесшабашное, выйдут по призыву Совета, но не партии.
Нарвский район.	Стремления выступить нет, но упадка авторитета партии нет. На Путиловском [заводе] усиливаются анархисты.
Невский район.	Настроение круто повернулось в нашу пользу. За Советом пойдут все.
Охтенский район.	Дело плохо.
Петербургский район.	Настроение выжидательное.
Рождественский район.	Тоже, сомнение, выступят ли, усиление влияния анархистов.
Порохов[ской] район.	Настроение улучшилось в нашу пользу.
Шлиссельбург.	Настроение в нашу пользу.

Тов. Крыленко от Военного бюро сообщает, что у них резкое расхождение в оценке настроения.

Личные наблюдения приводят к тому, что настроение в полках поголовно наше, по сведения от товарищей, работающих в районах, расходятся; говорят, что для выступления нужно, чтобы что-нибудь их решительно задело, а именно: вывод войск. Бюро полагает, что настроение падает. Большая часть бюро полагает, что не нужно заострять вопроса практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу.

Тов. Степ[анов] от Окружной организации. В Сестрорецке, Колпине * рабочие вооружаются, настроение боевое, готовятся к выступлению. В Колпине поднимается анархистское настроение.

В Нарве настроение тяжелое ввиду расчетов. 3000 уже рассчитаны.

Что касается гарнизонов, то там настроение угнетенное, но большевистское влияние очень сильно (2 пулеметный полк). В Н[овом] Петергофе работа в полку сильно пала, полк дезорганизован. Красное Село — 176-й [полк] абсолютно большевистский,

* В подлинной секретарской записи, л. 1 об., зачеркнуто: *и Нарве.*

172-й [полк] почти, но кроме того там кавалерия, Луга — 30 000 гарнизон, Совет оборончеcкий. Настроение большевистское, будут перевыборы.

В Гдове — полк большевистский.

Тов. Бокий в дополнение сообщает, что, по имеющимся у него сведениям, в Красном Селе дело не так хорошо.

В Кронштадте настроение пало, и в боевом смысле тамошний гарнизон никуда не годится.

Тов. Володарский от Петроградского Совета. Общее впечатление, что на улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся.

Тов. Равич подтверждает это и добавляет, что некоторые указали, что и по призыву партии.

Тов. Шмидт от профессиональных союзов. Общее число организованных свыше 500 тыс. Влияние нашей партии преобладающее, но в союзах более ремесленных наше влияние слабо (особенно у конторщиков, печатников), но и там начинает возрастать, особенно ввиду недовольства тарифными ставками. Настроение таково, что активных выступлений ожидать не приходится, особенно ввиду боязни расчетов. До известной степени это является сдерживающим элементом. Ввиду определенных экономических условий можно ожидать в ближайшее время колоссальной безработицы; в связи с этим и настроение выжидательное. Все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения. Требуют всей власти Советам.

Тов. Шляпников для дополнения сообщает, что в союзе металлистов влияние большевиков преобладает, но большевистское выступление не является популярным; слухи об этом вызвали даже панику. Настроение и по России у металлистов преобладает большевистское; принимаются резолюции большевистские, но сознания возможности самим организовать производство нет. Перед союзом стоит борьба за повышение заработной платы. В связи с этой борьбой будет поставлен вопрос о контроле.

Тов. Скрыпник от фабрично-заводских комитетов. Констатирует, что повсюду замечается тяга к практическим результатам; резолюции уже не удовлетворяют. Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроение масс; первые более консервативные; замечается рост влияния анархо-синдикалистов, особенно в Нарвском и Московском районах.

Тов. Свердлов в дополнение сообщает, что в Москве в связи с резолюцией ЦК предприняты шаги для выяснения положения о возможном восстании.

Тов. Москвин* *от железнодорожников.* Железнодорожники голодают, озлоблены, организация слаба, особенно среди служащих телеграфов.

* Фамилия *Москвин* внесена из тетради протоколов Секретариата ЦК, л.97.

Тов. Шмидт в дополнение сообщает, что в связи со стачкой у железнодорожников произошел перелом. В московском узле особенно наблюдается неудовольствие против комитета [137]. Вообще питерский и московский узлы ближе к большевикам.

Тов. Бокий. *О почтово-телеграфных* служащих. Отдельной организации нет. У телеграфных аппаратов сидят больше кадеты. Почтальоны сообщают, что в решающий момент смогут овладеть почтамтом.

Тов. Шмидт. Союз почтовиков более радикален, чем железнодорожный. Низшие служащие по существу большевики, но высшие служащие нет; с ними приходится вести борьбу, пока они держат в своих руках союз.

3) О текущем моменте

Тов. Милютин считает, что на основании всех докладов нужно более конкретизировать резолюцию. Полагает, что лозунг «Вся власть Советам» уже вполне назрел, особенно в провинции, где местами власть фактически в руках Советов. Вопрос действительно не идет об агитации, нужны уже дела, а не слова. Вопрос решается не настроениями, не бюллетенями, а организованными силами. Либо мы делаем первый шаг, либо этот шаг будет сделан нашими врагами. В резолюции недостаточно учтена возможность второй перспективы, т. е. возможность не восстания, которое предполагает нашу инициативу, но столкновения, которое является результатом объективных условий. Сам полагает, что мы не готовы для нанесения первого удара. Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем.

Встает другая перспектива: вооруженное столкновение; доказывает, что оно нарастает, возможность его приближается. И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания. Считает нужным развернуть резолюцию в этом смысле.

Тов. Шотман говорит, что на городской конференции и в ПК и в Военке настроение было гораздо более пессимистично. Доказывает, что мы не можем выступать, но должны готовиться.

Тов. Ленин полемизирует с Милютиным и Шотманом и доказывает, что дело не в вооруженных силах, дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой. Не видит пессимизма в том, что здесь говорилось. Доказывает, что силы на стороне буржуазии невелики. Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать? Это не вытекает из всех данных. Чтобы отбросить резолюцию ЦК, надо доказать, что разрухи нет, что международное положение не приводит к осложнениям. Если профессиональные деятели требуют всей власти, то они отлично понимают, что

хотят. Объективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести; за пролетариатом оно пойдет.

Боятся того, что мы не удержим власть, но у нас именно теперь особенные шансы удержать власть.

Выражает пожелание, чтобы дебаты велись в плоскости обсуждения резолюции по существу.

Тов. Крыленко заявляет, что в одном сходилось все бюро, именно в том, что вода достаточно вскипела; выносить резолюцию, которая брала бы эту резолюцию назад, было бы величайшей ошибкой. Наша задача — поддержать восстание вооруженной силой, если бы оно где-нибудь вспыхнуло. Но настроение, которое здесь характеризовали, является результатом наших ошибок.

В вопросе о том, кто и как будет начинать, расходится с В. И. [Лениным]. Считает ненужным вдаваться слишком в технические подробности восстания и, с другой стороны, определенно назначить его признает тоже нецелесообразным. Но вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент, на котором произойдет бой. На Черем[исовском] совещании [138] будет доказано, что войска вывести нужно, на это мы ответить не сможем, но должны ответить, что хотя это и нужно, но не будет сделано, ибо нет доверия к генералам: факт наступления на нас уже имеется, таким образом, и этим можно воспользоваться. Уменьшать агитации нельзя и беспокоиться о том, кому начинать, не приходится, ибо начало уже есть.

Тов. Рахья доказывает, что массы сознательно готовятся к восстанию. Если бы питерский пролетариат был вооружен, он был бы уже на улицах вопреки всяким постановлениям ЦК. Пессимизма нет. Наступления контрреволюции ждать не приходится, ибо оно уже есть. Массы ждут лозунга и оружия. Массы высыпят на улицу, ибо их ждет голод. По-видимому, уже наш лозунг стал запаздывать, ибо есть сомнение, будем ли мы делать то, к чему зовем. Наша задача — не перерешать, а, наоборот, закрепить.

Тов. Григорий [Зиновьев]. По-видимому, резолюция воспринимается не как приказ, иначе по ней нельзя было бы высказаться.

По существу же выражает сомнение, обеспечен ли успех восстания. Прежде всего не в наших руках железнодорожный и почтово-телеграфный аппарат. Влияние ЦИК достаточно сильно еще.

Вопрос решится первым же днем и в Питере, ибо в противном случае начнется деморализация. На подкрепления из Финляндии и Кронштадта рассчитывать не приходится. А в Питере мы не имеем уже такой силы. Кроме того, у наших врагов громадный организационный штаб. Наш трезвон за последнее время неправилен даже с точки зрения резолюции ЦК. Ибо зачем нам надо давать подготовиться. Настроение на заводах теперь не таково, как было в июне. Ясно, что теперь не такое настроение, как было в июне.

Говорят, мы находимся в таком положении, что выхода нет; я думаю, что такого положения еще нет. Я думаю, что у нас неправильное отношение к Учредительному собранию. Конечно, на него нельзя смотреть как на всеспасающее, но Учредительное собрание произойдет в высшей степени революционной атмосфере. За это время мы будем крепнуть. Не исключена возможность, что мы там будем с левыми эсерами в большинстве. Не может быть, чтобы крестьянин колебался в вопросе о земле. Я стоял за выход из Предпарламента, но не думаю, что эта масса никогда не пойдет за нами. Говорит о международных отношениях и доказывает, что и перед международным пролетариатом мы тоже обязаны величайшей осторожностью: наше влияние все растет. Ждать сдачи Питера до Учредительного собрания не приходится. Мы не имеем права рисковать, ставить на карту все.

Я предлагаю: если 20-го соберется съезд, мы должны ему предложить не разъезжаться до того момента, пока не соберется Учредительное собрание. Должна быть оборонительно-выжидательная тактика на фоне полной бездеятельности Временного правительства. Нельзя ставить себя в положение полной изолированности. Учредительное собрание тоже не освобождает от гражданской войны, но оно является очень серьезным этапом. Нужно пересмотреть резолюцию ЦК, если это возможно. Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания.

Тов. Каменев. С принятия резолюции прошла неделя, и эта резолюция потому и показывает, как нельзя делать восстания: за эту неделю ничего не было сделано, и только испорчена та диспозиция, которая должна была бы быть. Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет. Нельзя говорить, что резолюция только возбудила мысль, она требовала перехода от слов к делу. А этого нет. Аппарата восстания у нас нет; у наших врагов этот аппарат гораздо сильнее и, наверное, за эту неделю еще возрос. Доказывает, что у нас за эту неделю ничего не сделано ни в военно-техническом смысле, ни в продовольственном. Этой резолюцией только дана была возможность сорганизоваться правительству. Вся масса, которая теперь не с нами, находится на их стороне. Мы их усилили за наш счет. Вопрос серьезнее нежели в июльские дни. Социально говоря, кризис назрел, но нет никаких доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас, или никогда. Я больше верю в русскую революцию. Социальные битвы перед нами стоят, и, готовясь к Учредительному собранию, мы вовсе не становимся на путь парламентаризма. Мы недостаточно сильны, чтобы с уверенностью в победе идти на восстание, но мы

дено в редакции, решено, не обсуждая заявления тов. Сталина и не принимая его отставки, перейти к очередным делам.

2) Заявление Военки[142].

Оглашается тов. Свердловым.

Тов. Иоффе предлагает принять резолюцию; отвергнуть предложение Военки, так как все желающие работать могут войти в революционный центр при Совете.

Тов. Троцкий вносит поправку, что все наши организации могут войти в революционный центр и в нашей фракции там обсуждать все интересующие их вопросы.

(Принято с поправкой).

4) О съезде Советов.

Отложить до следующего заседания (завтра).

5) О комиссии безопасности (при Городской думе).

Тов. Урицкий сообщает о положении дел в этой комиссии (проект организации добровольной охраны). Ставит вопрос, можно ли оставаться в этой комиссии?

Тов. Троцкий предлагает сообщить комиссии о необходимости быть в контакте с Военно-революционным комитетом при Совете. Если откажутся, — выйти в отставку.

Тов. Свердлов предлагает из комиссии не уходить, отстаивать проект всеобщей милиционной повинности. Принимается.

6) Тов. Коллонтай сообщает о положении дел в Финляндии; возможно, что с.-д. покинут сейм *; этим обострится сильно положение; финляндские с.-д. думают, что сейчас не время отделяться от России, ибо у нас идет борьба за власть.

Решено и этот вопрос отложить до завтра.

Приложение 1

ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая жизнь» **, то я отказался верить этому. Но сомнения оказались невозможны, и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением.

* В подлинной секретарской записи, л. 2: *возможность с.-д. покинуть сейм.*

** См. стр. 115—116.

Чем серьезнее практический вопрос, чем ответственнее — и «виднее» люди, совершившие штрейкбрехерство, тем опаснее оно, тем решительнее надо выкинуть вон штрейкбрехеров, тем непростительнее было бы колебаться из-за прошлых хотя бы «заслуг» штрейкбрехера.

Подумать только! В партийных кругах известно, что партия с сентября обсуждает вопрос о восстании. Ни об одном письме или листке ни одного из названных лиц никто ничего не слыхал! Теперь, накануне, можно сказать, съезда Советов двое видных большевиков выступают *против* большинства и, явное дело, *против ЦК*. Это не говорится прямо, и от этого вред для дела еще больше, ибо намеками говорить еще опаснее.

Из текста заявления Каменева и Зиновьева ясно вполне, что они пошли против ЦК, ибо иначе их заявление бессмысленно, но *какое* именно постановление ЦК они оспорили, не сказано.

Почему?

Ясное дело: потому, что его не публиковал ЦК.

Что же это такое выходит?

По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в *не*партийной печати, и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет *об руку с буржуазией против рабочей партии*, в такой газете нападают на *не*опубликованное решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти!

И по такому вопросу, *после* принятия центром решения, оспаривать это *неопубликованное* решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии.

Ибо рабочая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с восстанием, не в силах решать эту трудную задачу, если неопубликованные постановления центра, после их принятия, оспариваются в непартийной печати и в ряды борцов вносятся колебания и смута.

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное собрание. Рабочие в такую партию не пойдут, ибо ее первым лозунгом будет:

«цекистам, побежденным по вопросу о решительном бое на собрании ЦК, разрешается идти в непартийную печать для нападок на неопубликованные постановления партии».

Пусть строят они себе *такую* партию; наша рабочая партия большевиков от этого только выиграет.

Когда будут опубликованы все документы, штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева выступит еще гораздо яснее. А пока перед рабочими пусть встанет вопрос:

«Допустим, правление Всероссийского профессионального союза решило, после месячного обсуждения и большинством свыше 80 процентов, что надо приготовить стачку, но ни о сроке, ни о чем ином пока не публиковать. Допустим, двое членов, прикрываясь облыжно «особым мнением», *после* решения не только стали писать в местные группы о пересмотре решения, но и допустили сообщения своих писем в *не*партийные газеты. Допустим, что, наконец, они и сами в непартийных газетах напали на решение, хотя оно еще не опубликовано, и стали поносить стачку перед капиталистами.

Спрашивается, колебнутся ли рабочие исключить из своей среды подобных штрейкбрехеров?»

* * *

Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издалека не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров.

Слабость идейных доводов против восстания будет тем яснее, чем больше мы вытащим их на свет божий. Я послал на-днях статью об этом в «Рабочий путь» [143], и если редакция не сочтет возможным поместить ее, члены партии, вероятно, ознакомятся с ней в рукописи.

Сводятся эти «идейные», с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к «ожиданию» Учредительного собрания. Подождем, авось дотянем, — вот и весь довод. Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам, с локаутами авось еще дотянем.

Авось да небось, в этом вся сила довода.

Во-вторых, крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо. «Пессимисты» насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а «оптимисты» молчат, ибо

перед Родзянкой и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейкбрехеров, приятно.

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!

Н. Ленин

Написано 18(31) октября 1917 г.

В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 26, стр. 185—188

Приложение 2

ПИСЬМО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП

Дорогие товарищи!

Уважающая себя партия не может терпеть штрейкбрехерства и штрейкбрехеров в своей среде. Это очевидно. А чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства. Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого. Увертка Каменева просто жульничество. То же самое надо сказать про увертку Зиновьева. По крайней мере его «оправдывающееся» письмо (кажется, в Центральный Орган) [144], письмо, которое я только и видел (ибо особого мнения, якобы особого мнения, о коем трубит *буржуазная* печать, я, член ЦК, *до сих пор* не видал). Из «доводов» Зиновьева: Ленин рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений», и вы не протестовали. Так буквально пишет Зиновьев, подчеркивая сам четырьмя чертами слово *до*. Неужели трудно понять, что *до* решения центром вопроса о стачке агитировать и за и против можно, а *после* решения в пользу стачки (после добавочного решения скрыть это от врага), после этого агитировать против

стачки есть штрейкбрехерство? Всякий рабочий поймет это. Вопрос о вооруженном восстании обсуждался в центре с сентября. Вот когда Зиновьев и Каменев могли и *должны* были выступать письменно, чтобы *все*, видев их доводы, чтобы *все* оценили их полную растерянность. Прятать свои взгляды от партии целый месяц *до* принятия решения и рассылать особое мнение *после* решения — значит быть штрейкбрехером.

Зиновьев прикидывается непонимающим этой разницы, непонимающим того, что после решения о стачке, решения центра, лишь штрейкбрехеры могут агитировать перед низшими инстанциями против решения. Всякий рабочий поймет это.

А Зиновьев именно агитировал и срывал решения центра как на воскресном собрании, где он и Каменев ни одного голоса не приобрели, так и в своем теперешнем письме. Ибо Зиновьев имеет бесстыдство утверждать, что «партия не опрошена» и что такие вопросы «не решаются десятью человеками». Подумайте только. Все цекисты знают, что на решающем собрании присутствовало больше десяти членов ЦК, что присутствовало *большинство пленума*, что сам Каменев на этом собрании заявил: «Это собрание решающее», что про отсутствующих членов ЦК было досконально известно, что *большинство* из них *не согласно* с Зиновьевым и Каменевым. И вот, *после* решения ЦК на собрании, которое и Каменев признал *решающим*, член ЦК имеет наглость писать: «Партия не опрошена». «Такие вопросы десятью не решаются»; это полный состав штрейкбрехерства. До съезда партии решает ЦК. ЦК решил. Каменев и Зиновьев, не выступавшие письменно *до* решения, стали *оспаривать* решение ЦК *после* того, как оно состоялось.

Это есть полный состав штрейкбрехерства. После принятия решения никакое оспорение *недопустимо*, раз дело касается немедленной и *тайной* подготовки к стачке. Зиновьев имеет наглость на *нас* сваливать теперь «предупреждение неприятеля». Где же граница бесстыдству? Кто, в самом деле, испортил дело, сорвал стачку «предупреждением неприятеля», как не люди, выступившие в *непартийной* прессе?

В газете, которая по *данному* вопросу идет заодно со всей буржуазией, выступать *против* «решающего» постановления партии.

Если терпеть это, то партия невозможна, партия разбита.

Называть «особым мнением» то, что узнает и пропечатывает Базаров в непартийной газете, — это значит издеваться над партией.

Выступление Каменева и Зиновьева в непартийной печати было особенно подло еще потому, что их *кляузную ложь* партия не может опровергнуть открыто: мне неизвестны решения о сроке, пишет и печатает от своего и Зиновьева имени Каменев. (Зиновьев вполне ответственен за все поведение и выступление Каменева после такого заявления.)

Как может ЦК опровергнуть это?

Мы не можем сказать перед капиталистами правды, именно, что мы *решили* стачку и решили *скрыть выбор момента* для нее.

Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, *не вредя еще больше делу*. В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо, раз мы молчим в печати, всякий догадается, *как* стоит дело.

Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

Мне нелегко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, *погибла*.

Вопрос о вооруженном восстании, даже если его надолго отсрочили выдавшие дело Родзянке и Керенскому штрейкбрехеры, не *снят*, не снят партией. Как же можно готовиться к вооруженному восстанию и готовить его, *терпя* в своей среде «видных» штрейкбрехеров? Чем виднее, тем *опаснее*, тем более недостойно «прощать». On n'est trahi que par les siens, говорят французы. Изменником может стать лишь *свой* человек.

Чем *«виднее»* штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением.

Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, идти навстречу великим и величайшим трудностям, идти *с революционными рабочими*.

Мы не можем напечатать правды: что *после* решающего собрания ЦК Зиновьев и Каменев имели наглость требовать *пересмотра* на воскресном собрании, что Каменев бесстыдно кричал: «ЦК провалился, ибо за неделю ничего не сделал» (опровергать я *не* мог, ибо сказать, *что именно сделано*, нельзя), а Зиновьев с невинным видом предлагал проваленную собранием резолюцию: «Не выступать до совещания с большевиками, имеющими приехать 20-го на съезд Советов».

Подумать только: после решения *центром* вопроса о стачке предлагать собранию низов отложить его и передать (к съезду

20-го, а съезд отложили потом... Зиновьевы верят Либерданам), передать *такой* коллегии, которой устав партии не знает, которая над ЦК *не* властна, которая Питера *не* знает.

И после этого еще Зиновьев имеет наглость писать: «Так едва ли укрепляют единство партии».

Извольте это назвать иначе, как угрозу расколом.

Я на такую угрозу отвечаю, что пойду до конца, добьюсь себе свободы слова перед рабочими и, *во что бы то ни стало*, буду клеймить штрейкбрехера Зиновьева как штрейкбрехера. На угрозу раскола я отвечаю объявлением войны до конца, за исключение обоих штрейкбрехеров из партии.

Правление профессионального союза после *месячных* дебатов решило: стачка неизбежна и назрела, срок скроем от хозяев. После этого двое из правления идут *в низы* оспаривать решение и проваливаются. Тогда двое идут в печать перед капиталистами и выдают посредством кляузной лжи решение правления, срывая этим стачку на добрую половину или оттягивая ее до худшего времени, предупреждая неприятеля.

Вот полный состав штрейкбрехерства. И вот почему я требую исключения обоих штрейкбрехеров, сохраняя за собой право (ввиду их угрозы расколом) *все* опубликовать, когда можно будет публиковать.

Написано 19 октября (1 ноября) 1917 г.

В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 26, стр. 192—196

Приложение 3

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «РАБОЧЕГО ПУТИ»

В «Письме к товарищам», помещенном во вчерашнем номере «Рабочего пути», тов. Ленин полемизирует с взглядами «двух товарищей», одним из которых являюсь я.

По ряду обстоятельств я вынужден отказаться сейчас от подробного ответа на эту полемику. Скажу только, что действительные мои взгляды по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин. Присоединяясь к вчерашнему заявлению т. Троцкого в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, я думаю, что мы вполне можем сомкнуть ряды и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств.

Г. Зиновьев

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками.

В РЕДАКЦИЮ «РАБОЧЕГО ПУТИ»

В последних двух номерах «Биржевых ведомостей» упорно передается слух, будто бы ко мне обращались официальные представители городской милиции с запросом о готовящемся якобы выступлении. Передается также мой ответ им, сопровождаемый всякими злостными комментариями редакции.

Заявляю, что все эти известия от первого до последнего слова — вымысел. Если кто-нибудь обращался бы с такого рода вопросом, то я ответил бы слово в слово то же, что т. Троцкий заявил на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 18 октября.

А. Луначарский

«Рабочий путь» № 41, 2 ноября (20 октября) 1917 г.

Приложение 4

ЗАЯВЛЕНИЕ Ю. КАМЕНЕВА В ГАЗЕТУ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Ю. Каменев о «выступлении»

Во вчерашней статье В. Базарова упоминается о листке, пущенном от имени двух видных большевиков против выступления.

По этому поводу Ю. Каменев сообщает: Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении, я и тов. Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии в Петрограде, Москве и Финляндии с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу какихлибо вооруженных выступлений в ближайшие сроки.

Должен сказать, что мне неизвестны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или на другой срок какого-либо выступления.

Подобных решений партии не существует. Все понимают, что в нынешнем положении революции не может быть и речи о чем-

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел второй

ЦК В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ И УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Раздел третий

ЦК В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ВЫХОД ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРЕСТСКОГО МИРА

ПРИЛОЖЕНИЯ